

18+
АЛЕКСАНДР СУББОТИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ "ЗАРИ"

ФИЛОСОФСКО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР-ЗАГАДКА

Александр Субботин
Возвращение «Зари»

«Издательские решения»

Субботин А.

Возвращение «Зари» / А. Субботин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-0069-6663-5

В этом сборнике Александр Субботин обращается к мрачной фантастике, ведя читателя по лабиринтам человеческих страхов – от гнетущего прошлого до футуристического будущего, от глубин океана до просторов космоса.

В философско-фантастическом триллере-загадке «Возвращение „Зари“» экипаж научной станции встречает легендарный космический корабль, исчезнувший во время спасательной миссии. С этой минуты начинается кошмар, в котором законы физики перестают действовать, а реальность расползается по швам.

ISBN 978-5-0069-6663-5

© Субботин А.
© Издательские решения

Содержание

Театр «Денудо»	6
Две главные профессии	13
Чертобои	15
Маска Пернети	23
Людоед	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Возвращение «Зари» Философско-фантастический триллер-загадка

Александр Субботин

Редактор Татьяна Юдина

Корректор Елена Кормильцева

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Александр Субботин, 2026

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-6663-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Театр «Денудо»

В заполненный до отказа зрительный зал популярного камерного театра выплеснулась торжественная оркестровая музыка. Красный бархатный занавес разошёлся, и на сцене возник Арлекин. Однако, несмотря на аншлаг, аплодисменты не грянули. Арлекин с выбеленным лицом широко улыбнулся, манерно развёл руки в белоснежных перчатках и глубоко поклонился публике. К тому времени музыка стихла, и в мёртвой тишине послышался озорной звон колокольчиков на шутовском колпаке артиста.

– Рад вновь приветствовать вас, досточтимая публика, в своём театре! – звонко и весело заговорил Арлекин, сопровождая свою речь выразительной жестикуляцией. – Сегодня вашему вниманию будет представлена изысканная, уморительная, но в то же время поучительная комедия, в которой жадный и глупый региональный чиновник постарается украсть деньги из бюджета... Чьего бы вы думали бюджета? Сиротского дома! Несчастные дети! Подумать только, по замыслу этого негодяя, они должны были остаться без обеда! Но! – тут Арлекин сделал паузу и поднял вверх указательный палец. – Волею Провидения алчный чиновник останется в дураках и понесёт наказание, а бедные сиротки будут одарены заботой и вниманием, которых им ранее так недоставало...

– Я больше не могу! – вдруг раздался визгливый голос из зала. – Просто нет сил это терпеть! Прекратите! Немедленно прекратите эту пытку! Хватит издеваться!

Этот голос принадлежал краснолицему толстяку с крайнего кресла во втором ряду, который вскочил с места и, задыхаясь, крутил своей круглой головой по сторонам, как бы ища поддержки. Он тщетно пытался оттянуть ворот рубашки, туго стянутый галстуком, и казалось, что сейчас его хватит удар.

* * *

– Что вы за это хотите?

Пётр Николаевич Игольников мерно постучал по зелёной папке и обременил посетителя тяжёлым взглядом. Игольников, мужчина с внушительной фигурой, хищным носом и волевым подбородком, с первой минуты ощутил неприязнь к сидящему напротив юноше. Тот был нескладен, угловат и с безобразно размытыми чертами лица.

В рабочем кабинете наступила тишина. Игольников деловито поднялся, подошёл к шкафу и, открыв нижнее отделение, достал оттуда початую бутылку коньяка.

– Выпьете?

Ответа не последовало.

Тогда Игольников, прихватив бутылку и один бокал, вернулся к столу. Наливая себе выпить, он исподлобья наблюдал за гостем, и внутри него поднималась мрачная злоба.

В воздухе раскрылся запах коньяка.

Молодой человек – с большими серыми глазами, белёсыми ресницами и нелепо подстриженными рыжими волосами – сидел на стуле в зажатой позе, держа ладони между коленями, и с каждой секундой становился всё ненавистнее Игольникову. Казалось, ещё мгновение, и Пётр Николаевич не сдержится и проломит незваному посетителю череп этой самой бутылкой. Неприятность состояла в том, что убийство сейчас ничего не решит, а только осложнит дело.

– Да что вы хотите, чёрт возьми! – выпив, крикнул Игольников. – Деньги? Должность? Что вам нужно?

– Ничего из этого, – смущённо потупив взгляд, заговорил молодой человек. – Я всего лишь поборник искусства.

– Какого к чёрту искусства? – вновь сев за стол, скривился Игольников. – Может быть, вам нужна протекция в издательстве, театре? Вы музыкант?

– Я поборник искусства, – упрямо повторил молодой человек.

– Тогда зачем вы принесли мне эту папку? – Игольников небрежно указал на стол, точно там лежала какая-то гадость.

– Я бы хотел, если возможно, – заговорил молодой человек, чуть запинаясь, – чтобы вы два раза в месяц приходили в театр «Денудо».

– В какой ещё театр?

– «Денудо». Это мой театр.

– И всё?

– Да.

– Вы сумасшедший? К вам зрители, что ли, не ходят и поэтому вы таким наглým образом тащите их к себе насильно?

Молодой человек вновь не ответил. Тогда Игольников налил себе ещё бокал и выпил.

– Вы самый необычный шантажист, какого я видел за всю свою жизнь, – разведя руками, сказал он.

– Я – поборник искусства, – тихо поправил его рыжий посетитель.

* * *

– Виктор Палыч, Виктор Палыч! Успокойтесь, пожалуйста! – сосед вцепился в рукав взволнованного толстяка, пытаясь усадить того на место. – Витя, ну ты же не он, не чиновник, зачем так взволновался? Сядь, прошу тебя!

Но Виктор Палыч не унимался. На его глазах выступили слёзы, и он плаксивым голосом отвечал не то соседу, не то всему залу одновременно:

– Я устал, я больше не могу! Каждый раз одно и то же! Сколько вы все собираетесь это терпеть? Вы натуральное стадо баранов, сидите в загоне и ждёте своей очереди, пока вас не отправят на бойню! Никчёмные, жалкие, трусливые насекомые!

Игольников, сидя через ряд, со спокойным любопытством наблюдал за бунтом одинокого зрителя. Удивительный протест заинтриговал его.

– Точно вы не знаете, что скоро и до вас дойдёт очередь! – голосил Виктор Палыч, но вдруг оборвался и повернулся к артисту на сцене: – Жалобить будете?

Арлекин поднёс палец к подбородку и притворно задумался.

– Искусство лишь обнажает суть! – крикнул он треснувшим голосом. – А уж поступки, которые оно отражает, – это целиком ваша заслуга и ваша ответственность.

– Не будет такого, слышите?! – прошипел Виктор Палыч и опереточно топнул ногой. – С меня довольно!

И, раскачиваясь неваляшкой, обхватив голову руками, он бросился по проходу к дверям из зала.

– Куда это он? – усмехнулся Игольников, не обращаясь ни к кому конкретно, но так, чтобы соседи слышали.

– Заявление писать, – пробасили слева из темноты.

– На Арлекина? – ещё больше развеселился Игольников.

– На себя, – ответили ему.

* * *

Пётр Николаевич Игольников с отвращением наблюдал, как его собеседник неаппетитно хлебал суп, причмокивая мясистыми губами и оставляя жирные капли на своём отвисшем

подбородке. Чтобы перебить это отвратительное зрелище, Игольников отпил кофе и осмотрел пустой, но приятный глазу зал ресторана, в котором они находились.

– Валерий Константинович, – наконец заговорил Игольников, обращаясь к поглотителю супа, – я пригласил вас на встречу вот по какому поводу... Вы же помните, где мы познакомились?

Валерий Константинович Карманов, не отрываясь от тарелки, хрипя, пробормотал:

– Да. Кажется, на форуме в Петербурге.

– Так вот, – продолжил Игольников. – А тут, представляете, я замечаю вас в театре...

Ложка с супом застыла перед ртом Карманова. Он поднял глаза и недоверчиво посмотрел на собеседника.

– Да, да! – подтвердил Игольников. – Я про тот самый театр.

Карманов, звякнув, бросил ложку в тарелку и утёр рот салфеткой.

– Да, я был там пару раз, припоминаю, – подтвердил он, косясь на Игольникова. – И что с того?

– Ничего, – пожал плечами Игольников. – Я лишь хотел сообщить, что мы с вами друзья по несчастью. Вы единственный, кого я там узнал. Поэтому, мне кажется, если мы объединим наши усилия, то сможем выйти из затруднительного положения.

Карманов скрестил на груди пухлые руки и какое-то время думал.

– Какое к чёрту затруднительное положение?! – наконец выпалил он. – Это какой-то клоун, мокрица.

– Он называет себя поборником искусства, – равнодушно поправил Игольников.

– Да хоть Папой Римским! – сердито отрезал Карманов.

– Он заставил вас посещать его театр? – резко спросил Игольников. – С чем он к вам приходил?

Карманов искривил лицо в недоброй улыбке.

– Вот, значит, как? – он сделал паузу, что-то обдумывая. – Судя по всему, ко мне он приходил ровно с тем же, с чем и к вам, коль мы оба оказались зрителями одного спектакля.

– Расскажите подробнее.

– Когда он явился со своей папочкой, – ковыряясь во рту зубочисткой, нехотя начал Карманов, – я решил, что он сумасшедший, и намеревался послать его куда подальше. Мало ли дураков ко мне лезет. Вы, наверно, так же посчитали?

– Нет, – ответил Игольников. – Как вам известно, я занимаю высокую должность, и моя обязанность относиться к подобного рода проблемам со всей серьёзностью.

– Вот оно что, – кивнул Карманов. – Ну, и я документики всё-таки изучил.

– И он предложил вам выбор: или вы ходите в его театр два раза в месяц, или компромат станет достоянием общественности?

– Что вы спрашиваете, если и так знаете? – рассердился Карманов.

– Выходит, – задумчиво поигрывая салфеткой, рассуждал Игольников, – что ко всем, кто присутствует на спектакле, он приходил со страшной папкой и запугивал их собственным грязным бельём.

– Послушайте, – откинувшись на спинку стула, отвечал Карманов, – каждый человек грешен. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Такова жизнь. Поэтому не стоит удивляться, что на многих приличных людей эта мокрица собрала достаточно материала, чтобы...

– Этот человек далеко не мокрица, – сухо возразил Игольников.

– Конечно, мокрица! Да и проблемы никакой нет! – горделиво отмахнулся Карманов, хотя в его свинячьих глазках запрыгал испуг. – Я только одно понять не могу, как это ничтожество, как этот клоун смог столько всего раскопать. На меня, на вас... На всех, кто, как вы говорите, стал заядлым театралом.

– Он актёр, – тут же пояснил Игольников. – Он потрясающий актёр.

* * *

Из зрительного зала Игольников вышел поражённый и шатающийся, словно пьяный. После полумрака свет ослепительных огней в фойе резал глаза и заставлял их слезиться.

«Невероятно», – шептал он про себя.

За полтора часа он увидел, как на сцене началась, развернулась и кончилась целая жизнь – жизнь детей из сиротского дома. Он увидел наглого и бесстыжого чиновника, тупого сладострастника, лишаящего детей будущего ради наживы. В иные мгновения Игольникову казалось, что он сам участник спектакля, затянутый происходящим на сцене в драматическую глубину постановки. Его рука будто бы продолжала ощущать густые мягкие волосы мальчугана, который уткнулся в него, ища защиты от хищного произвола. А он в ответ только терпеливо гладил сиротку, в бессильной злобе мечтая наказать вора, посмеявшегося обидеть самое святое на земле – детей, лишённых родительской любви и опеки.

Игра ли это воспалённого воображения, гипнотическое внушение или высочайшее мастерство Арлекина, но рождённые им картины пылали поразительно яркой подлинностью и обладали до такой степени ошеломляющей объёмностью, что настоящая реальность рядом с ними выглядела блёклой и пустой.

Игольников ещё помнил запахи, шумы, касания и вибрацию фантастической реальности, созданной в крошечном театре изобретательным творцом. По его физическому и душевному существу продолжали прокатываться волны отвращения и негодования от несправедливости, которая скользким гадом опутывала и сжимала в своих смертельных объятиях невинных героев, обречённых сюжетом на страшную гибель в финале.

Это был не спектакль. Это одновременно были и сон, и мираж, и живопись, и поэзия, сплетённые виртуозным гением в единое художественное полотно невиданного искусства.

* * *

– Я хожу туда около двух месяцев, – после паузы заговорил Игольников. – И, как вы понимаете, всё это не может меня устраивать. Да, спектакли очаровательны. Признаюсь, меня самого до костей пробирает, когда Арлекин рассказывает очередную слезливую историю о том, как какой-нибудь подлец, в угоду чёрной душе, совершает своё паскудство. Но это всё лирика, а я человек дела. Поэтому мне пришлось кое-что разведать про театр и нашего общего знакомого. Вы, например, знаете, что все роли в спектаклях исполняет он один?

– Шутите? – усмехнулся Карманов. – Вот этот бесцветный червяк, который приходил ко мне и не мог связать двух слов, выступает в роли нахала Арлекина? Не поверю!

– Но это так.

– Хорошо, а другие роли как же?

– Не знаю. Вероятно, зеркала, голограммы и ещё чёрт знает что, и адская визуальная синхронизация.

– Ерунда, – твёрдо возразил Карманов. – Вы сами в это не верите. Нет таких технологий, которые позволили бы зрителю проникать в иллюзорный мир представления. Чувствовать, проживать.

«Сукин сын, – подумал Игольников. – Делает вид, что ему наплевать, но у самого в голове по теме шестерёнки крутятся». Вслух же он произнёс:

– Во всяком случае, эффект впечатляющий, верно? Теперь вы понимаете, с кем мы имеем дело и почему у меня возникла тревога? Если он может раз в две недели выдавать новый спектакль на таком уровне...

– Спектакли? – перебил Карманов. – Ну и пусть ставит себе их сколько влезет! Или вам жалко паточных слёз при выходе из зала? К чему теперь прикидываться, я вас тоже заметил! Но, в отличие от вас, постыдился подойти. Ведь это срамно. Будто поздороваться в туалете, соседи по кабинкам...

Но Игольников и глазом не повёл на грубость собеседника, а спокойно поинтересовался:

– Вы сейчас занимаете двенадцатое место в третьем ряду, если не ошибаюсь?

– Допустим.

– Ещё две недели назад там сидел некто Дмитрий Мельник. Я сам слышал и видел, как после спектакля с ним случилась истерика и его выводили из зала. А позже, в тот же день, сообщили о его самоубийстве...

– Да и пошёл он... – Карманов хотел выругаться, но Игольников его перебил:

– А до этого некто Александр Тверденко, большой человек, после спектакля отправился в полицию и написал на себя заявление, сознавшись во всех грехах. Даже в изменах. Чего, как кажется, правоохранителей никак не касается. А до этого некто Павел Розанов, тоже важная персона... Словом, ему стало плохо, его отвезли в больницу, а далее он впал в беспокойство, начал видеть то, чего нет, и сейчас лечится от психического расстройства в частной клинике.

– Но я смотрел последнюю пьесу, – после паузы заговорил Карманов. – И ничего сверх особенного не ощутил. Да, душещипательно, но чтобы...

– Дело в том, – медленно проговорил Игольников, – что спектакль был не про вас...

* * *

– Достопочтимая публика! – Арлекин сделал замысловатый реверанс. – Сегодня вам предстоит увидеть самое изысканное и утончённое представление из всех, что игрались на подмостках моего скромного театра. Жизнь полна загадок и причуд, и редкий драматург осмелится с ней соперничать. Возьмём, к примеру, человека: при свете дня... – и артист изящно взмахнул правой рукой, – он уважаемый член общества, образцовый семьянин, незаменимый работник. Но едва на небе взойдёт луна, – левая рука Арлекина описала в воздухе таинственную дугу, – как тот же самый человек превращается в беса распутства. Жаль, что муж узнал об этом так поздно. Ой!.. – Арлекин испуганно приподнял брови и прикрыл пальцами рот. – Я разве не сказал, что герой нашей сегодняшней пьесы – женщина? Да, именно она! Вы уже слышите, слышите, – он поднял глаза к потолку, – как любящее сердце доброго, но простоватого мужа отбивает свои последние удары? Прислушайтесь. Мы начинаем!

Но на сей раз вместо привычного вздоха облегчения зрителей, обрадованных, что сегодня разбирают не их грех, по залу пронёсся встревоженный шёпот. Люди с нарастающим недоумением оборачивались к скрытому сумраком центральному проходу. Игольников тоже устремил взгляд в темноту. Его глаза, привыкшие к полумраку, наконец различили гибкую фигуру, медленно двигавшуюся по направлению к сцене. Шла женщина, довольно миловидная, хотя в её чертах, искажённых возрастом и отчаяньем, проступало нарочито грубое, почти мужское.

Метра за три до сцены она резко остановилась и, рыдая, запустила руку в сумочку.

– Я не позволю! – её голос сорвался. – Не позволю!.. Я признаю, но я не позволю!

Она выхватила из сумочки блеснувший металлом предмет, и ближайšie к ней зрители повыскакивали с мест, пытаясь отстраниться. Игольников напряг зрение и с изумлением увидел в её дрожащей руке пистолет. Глаза его округлились, и он посмотрел на Арлекина. Артист оставался на сцене и не собирался никуда убежать. Напротив, он в приглашающем жесте развёл перед угрозой руки и чуть склонил голову.

– Дура! – вскочив с места, закричал Игольников и через кресла, спотыкаясь и падая, бросился к женщине. – Не делай этого! – кричал он. – Ты погубишь нас всех!

В театре грянул выстрел.

* * *

Кровь отлила, и лицо Карманова стало серым. Игольников взял чашку и отпил кофе.

– Сюжет каждой новой пьесы строится на том материале, что хранится в зелёных папках, – ставя чашку на блюдце, сказал Игольников. – Для каждого приготовлена своя пьеса, в которой обличаются те поступки, которые человек совершил в реальности. И если нам, посторонним, это только щекочет нервы, то прототип главного героя узнаёт себя и начинает видеть в своей душе запредельный порок, с которым уже не может смириться. Поэтому мне бы очень не хотелось, чтобы следующий спектакль поставили по моим грехам.

– Вы рассказываете мистическую чушь, – пробормотал Карманов и глупо усмехнулся. – Как это может работать?

– Я не знаю. Великая сила искусства, – разведя руками и вздохнув, пояснил Игольников. – Теперь-то вы поняли, с кем мы имеем дело?

– Я не верю, – замотал головой Карманов, и щёки его затряслись.

– Верите или нет, но это медицинский факт, – сурово настаивал Игольников. – Этот человек, кем бы он ни был, благодаря своему актёрскому таланту достал такую информацию о всех нас...

– Послушайте, – взяв себя в руки, перебил Карманов, – тогда его следует просто...

– Нет, нет, нет! – быстро запротестовал Игольников. – Это нас всех сразу погубит. Уверен, он это предвидел! Случись с ним какая-нибудь в этом роде неприятность, к нам немедленно появится уйма вопросов. Но вот поговорить с ним стоит, если вы понимаете, о чём я. Не будем таиться и признаемся, что мы с вами из разных сфер. Однако мне известно, каким путём вы шли к своей вершине. Багажник автомобиля у вас такой же вместительный, как и раньше?

Карманов провёл языком по зубам и сразу перестроился на деловой лад.

– Вы считаете, что у нашего, как вы выразились, большого актёра нервы на пальцах связаны с языком? И если надавить на один орган, то заработает другой? Ну что же, допустим, раз вы считаете это единственно верным выходом.

– Я уверен, мы договоримся, если только он не сам чёрт, вылезший из преисподней, – процедил Игольников сквозь зубы и прибавил: – Времени у нас в обрез, и лучшего я не придумал. Очень не хочется, чтобы в следующий раз сценическим героем оказался я. Или вы...

Карманов понимающе кивнул.

– Хорошо. Мне нужно знать время и место.

– Лучше после следующего спектакля.

– Я всё подготовлю.

* * *

Игольников быстро посмотрел на Арлекина, ещё надеясь, что мстительница промазала, но чуда не произошло.

– Дура, ты всех нас погубила, – совершенно бессмысленно и сокрушённо повторил Игольников.

Арлекин ещё какое-то время постоял на сцене в своей пригласительной позе, затем распрямился, несколько удивлённо посмотрел на свою грудь и рухнул вниз как подкошенный. Яркий свет софитов, слепя, бил в его устремлённые в потолок глаза, но он их не закрывал. Он ждал. И вот сперва робкие, затем громче и громче и под конец оглушительные аплодисменты заполнили собой зрительный зал. Это были первые и последние аплодисменты, прозвучавшие в театре «Денудо», первые и последние, что слышал Арлекин. Тогда он ещё раз улыбнулся и закрыл глаза, уже навсегда.

14.01.22 (ред. 2025)

Две главные профессии

Кабина лифта, отделанная изнутри блестящими нержавеющей панелями и зеркалами, замерла между двадцатым и двадцать первым этажом. Приятный голос диспетчера сообщил, что помощь уже в пути, и настойчиво попросил сохранять спокойствие. Но, вопреки уговорам, тревога нарастала. Угрюмый и коренастый, точно пень, Жалин, с плоским лицом и тупым лбом, засопел и спросил секретаря:

– Мы не опаздываем?

– Ещё полчаса, – ответил секретарь, высокий мужчина с блёклой равнодушной физиономией.

– Скорость лифта 7 м/с, – вдруг позади раздался мягкий голос. – Или что-то около 25 км/ч. Чудо инженерной мысли. Если бы такую технологию показали людям в Средние века, то конструктора обязательно сожгли бы за колдовство.

И Жалин, и секретарь скосили взгляды назад. Им улыбнулся молодой человек славной наружности, с чуть вздёрнутым носом и короткими мелированными волосами. Очевидно, он только что побывал в кинотеатре на нижнем этаже, потому что ел попкорн из ведёрка. Ни Жалин, ни секретарь ему не ответили и отвернулись. А незнакомец продолжил:

– Сжигать инженеров, на мой взгляд, неблагоприятное дело. Благодаря им существует этот мир.

– Я больше не занимаюсь стартапами! – не оборачиваясь, резко произнёс Жалин, решив, что молодой человек хочет воспользоваться обстановкой и продать ему идею.

– Почему? – невинно спросил незнакомец.

Этот наглый вопрос заставил Жалина обернуться и внимательнее рассмотреть назойливого субъекта. Тот улыбался ровными белыми зубами, будто после долгой разлуки встретил любимого человека.

– Вам же сказали, – высокомерно заступился за начальника секретарь, – нашу корпорацию не интересуют стартапы.

Незнакомец пожал плечами и выдал:

– Это оттого, что Никита Семёнович ничего не смыслит в инженерном деле и растрчивает свою жизнь на воровство, захват чужого и прочие грязные делишки? Пойдите! А может, оттого, что он нечестно заполучил процветающую компанию? А теперь довёл её и рабочих до ручки, задумав распилить и уничтожить производство?

Жалин вытаращил глаза. Он был неглуп и быстро сообразил, что сломавшийся лифт, замкнутая кабина, брошенные в лицо обвинения и неуместные разговоры про искусство инженеров не случайны. Липкий страх пополз по его спине.

– Кто вы такой? – он всей массой развернулся к незнакомцу. – Это вы сломали лифт?

– Я? – удивился тот и беспечно захрустел попкорном. – Нет. Я, как и вы, ничего не понимаю в технике. Я – драматург.

И, поманив к себе Жалина с секретарём, прошептал:

– Я хотел бы стать инженером, но место занято.

– Кем? – невольно выдохнул секретарь.

– Богом, – просто ответил драматург и зачем-то подмигнул. – Вы разве не думали... Ах да, деловым людям некогда думать о том, что для создания удивительного мира, их окружающего, надо быть по меньшей мере инженером. Взгляните хотя бы на человека, ведь это чудо инженерной мысли – сколько приводов, клапанов, механизмов... Куда мне? Поэтому я выбрал вторую главную профессию.

– Развлекатель людей? – ехидно спросил секретарь.

– Можно и так сказать.

– Господин драматург, давайте молча подождём, когда лифт заработает, – успокоился Жалин и вновь отвернулся.

– Одно меня печалит, – продолжал неугомонный драматург, – что публике неинтересно, когда у персонажей всё хорошо. Ей подавай, когда у персонажей всё плохо. И чем лучше в начале, тем хуже должно быть в конце. Вот, кажется, богатый человек, жена, любовница, дети в вузах... Едет в лифте на встречу, чтобы присоединить ещё миллиард. Скучота. Но если лифт ломается и падает в шахту...

– Ты мне угрожаешь? – сорвался Жалин и встряхнул драматурга так, что попкорн из ведёрка рассыпался по полу.

Но тут свет в кабине мигнул, и лифт плавно поехал вверх. Жалин ослабил хватку. Всё встало на свои места. В один миг слетел морок нелепого разговора, а страх показался глупым и постыдным. Вернулось привычное состояние.

– Мой этаж, – когда двери открылись, сообщил драматург.

Протиснувшись к выходу, он обернулся.

– За тысячи лет в ремесле я понял: главное в драме – неожиданный финал, – и в закрывающиеся двери добавил: – И право выбора для героев!

Створки сошлись, и тут уже кабина лифта рухнула в шахту.

22.07.25

Чертобои

Осенью 17... года мне было приказано отправиться в Роттердам по торговому делу. В голову купца Широкина, у которого я в то время имел честь служить, пришла смелая фантазия наладить поставки своих товаров в Европу. С этой целью он и задумал послать меня по морю с партией образцов полотна собственного производства, которое, кстати сказать, сделало потом ему славное имя, чтобы я, как человек молодой и образованный, представил их изнеженным и искушённым европейским покупателям.

Признаюсь, я воспринял это поручение без особой радости. Тогдашнему мне, двадцатидвухлетнему юноше, полному сил и страстей, пришлось не по сердцу участь проболтаться с дюжину дней в открытом море на тесном корабле в сообществе грубых матросов. В ту пору меня более привлекала беззаботная петербургская жизнь с весёлыми кутежами в компании друзей и танцы на балах в обществе утончённых молодых барышень. Даже случай попутешествовать и непосредственно прикоснуться к культуре и быту заграницы, в отличие от прочих моих сверстников, не вызывал во мне ни малейшего возбуждения.

Этими и другими мыслями я поделился со своим другом Никитой Нагибиным, служащим в портовой таможне. Он по обыкновению сидел в своей конторке за крохотным и запачканным чернилами столом при кабинете начальства и неприятно, словно по нервам, скрипел пером по шершавой бумаге.

– Ну и что, поедешь, мир поглядишь, – наконец оторвавшись от своих дел, сказал Нагибин и размечтался: – Я бы поехал. На Петербург ты ещё сто лет смотреть будешь, а Европа, брат, это совсем другое дело.

– Послушай, Никита, – тут же с надеждой воскликнул я, – может, ты вместо меня и поедешь?

– Не могу, Митя, – закачал головой Нагибин, – служба.

И его перо вновь отчаянно заскребло по листу.

– Служба, – повторил я, поднимаясь со стула, и, заложив руки за спину, зашагал по комнате. – Ну что же, видно, такая моя судьба. Ничего не поделаешь... Никита! Так сыщи мне хоть корабль, что ли. Не знаешь никого, кто в Роттердам на днях пойдёт? Я же с вашим морем никогда дел не имел.

Нагибин задумался и закусил кончик пера.

– Роттердам, говоришь? Знаешь что, ступай-ка ты в порт, – поразмыслив, сказал он. – Поищи там Плещеева.

– Кто таков?

– Капитан «Тревоги». Его часто нанимают купцы из коммерческих компаний. Летом он неделями на рейде стоит, а вот осенью и весной беспрестанно взад-вперёд по торговым путям ходит. Кажется, он собирался в Голландию. Если ещё не отплыл, то может и тебя забрать. Только человек он...

– Груб, пьёт?

– Как сказать, – пожав плечами, уклончиво ответил Нагибин. – Нрав у него и правда вспыльчивый. Иногда до сумасшествия доходит. А так он человек вполне благородный. Так говорят, так говорят...

– Ох, не люблю я эту породу, – вздохнул я.

Тем не менее я сразу отправился в порт. Погода стояла скверная, лил дождь, дул промозглый ветер, и я, ей-богу, отказался бы от своей затеи, если бы не удивительное везение. Обнаружилось, что Плещеева и его «Тревогу» в порту знает каждая собака, поэтому мне без колебаний указали, где его можно найти. Капитан стоял на берегу и смотрел, как его команда,

подгоняемая звуками боцманского свистка, с шумом и криками нагружала угловую лодчонку провизией для снаряжения корабля в поход.

Плещеев оказался человеком высокого роста, сутулый, лет сорока, в сером плаще, из-под которого виднелся иссиня-чёрный камзол, но до того заношенный, что дорогое сукно местами затёрлось и выгорело, приняв цвет бледной золы. На шею капитана с некоторым изыском был повязан накрахмаленный белый платок, сапоги начищены, а из-под шляпы торчала каштановая косичка с вплетённой в неё лентой. С первой же минуты он встретил меня высокомерно. Его серые прозрачные, точно во хмелю, глаза усмехнулись мне в лицо с откровенным пренебрежением. В это же время узкое лицо капитана, тщательно выбритое по щекам и острому подбородку, с чуть кривым длинным носом и длинными остроконечными усами, оставалось бесстрастным. Наконец он догрыз своё яблоко, чем увлечённо занимался, слушая меня, выкинул огрызок в воду, вытер пальцы о плащ и поинтересовался трескучим, но спокойным голосом:

– Милостивый государь, а вы верно выбрали тот корабль, который вам нужен?

Не сразу поняв суть вопроса, я озадаченно посмотрел на корабль.

– «Тревога» – превосходная бригантина, – перехватив мой взгляд, продолжил капитан. – Водоизмещение 200 тонн, манёвренная и при хорошем ветре даст фору любому кораблю в своём классе. Но я не про это.

– Тогда в чём дело? – удивился я.

Капитан склонил голову набок и окинул меня оценивающим взглядом. Очевидно, ему не нравились ни мой цивильный наряд, ни моё безусое лицо, ни манера держаться. И тут я увидел, как за спиной Плещеева матросы пронесли в лодку более дюжины ружей, бочки с порохом и какие-то копыя, по виду напоминавшие гарпуны. Это стало первым зловещим и неприятным открытием, которое смутило меня чрезвычайно.

– А вы, сударь, что же, на войну собрались? – вырвалось у меня, и я вопросительно посмотрел на Плещеева. – Вы действительно капитан торгового корабля?

Плещеев обернулся, а затем, слегка наклонившись вперёд, тихо с расстановкой произнёс:

– Мы ходим по торговым путям, это правда. Как правда и то, что нас для этого нанимают, – и после паузы уже громче прибавил: – Если не передумаете и до вечера пришлёте свой груз, даю слово, что завтра вместе с нами выйдете в море. Если нет – прощайте навсегда!

Он приложил два пальца к виску, развернулся и, напевая что-то весёлое, направился к своей команде.

Выбора у меня не оставалось, поэтому к вечеру того же дня товары купца Широкина были погружены на корабль, положив тем самым начало моему странному и, пожалуй, самому опасному путешествию в жизни.

Экипаж судна состоял из тридцати двух человек. Видя, как слаженно и быстро работают матросы, с каким обезьяньим проворством они ставят паруса, я подумал тогда, что это, наверно, одна из лучших команд на Балтике. Впрочем, мне, неискущённому в морских делах, и сравнить было не с чем. Возможно, меня впечатлило захватывающее зрелище подготовки корабля к выходу в море и незнакомое до сей поры предвкушение плавания по безбрежному и глубокому водному пространству. Но что я заметил наверно – это явное и чрезмерное возбуждение команды. В ту минуту я отнёс его на истомившиеся по морю сердца моряков, в чём, как оказалось впоследствии, я ошибся.

В своё распоряжение я получил крохотную каюту, которая имела выход в кают-компанию. Туда же выходили ещё три двери, за которыми располагались каюты капитана, его помощника и доктора.

Внешний облик последнего поразил меня необыкновенно. С первого взгляда стало ясно, что это не простой судовой лекарь. Кроме пышного дорогого наряда доктор имел надменное и даже жестокое лицо. Он был невысок ростом, полноват, молчалив и фамилию имел соответствующую – Лютов.

– Пётр Иванович из немцев, поэтому у него такой грозный вид. Он один из лучших хирургов Петербурга, которого только сумели купить за деньги.

– Хирург? – с подозрением переспросил я. – А зачем на торговом судне нужен хирург?

Мы стояли на верхней палубе с Василием Пашковым, помощником капитана. Он был старше меня лет над десять, но разницы в возрасте не ощущалось, потому что обладал нравом весёлым и общительным, с открытым широким лицом с ямочкой на подбородке и в усиках.

– Мы заботимся о здоровье команды, – пояснил он.

– А что может случиться? Вы собираетесь воевать?

– Шторма. Мы ходим через шторма, сударь, – многозначительно улыбнулся он мне в ответ.

– Все проходят через штормы, – заметил я.

– Все да не все, – словно не мне сказал Пашков, уклоняясь от прямого ответа.

И тут я себе удивился. Отправляясь в путь, я думал о грубой команде, о потраченном впустую времени, о скуке, но почему-то ни разу не брал в расчёт стихию. Наверно, ещё и потому, что в первые дни плавания нам сопутствовала чудесно хорошая для осени погода. Под безоблачным небом дул плотный попутный ветер, упруго обдавая собой моё непривычное к такому обращению лицо, и «Тревога», казалось, летела над волнами точно птица, а не шла по ним. Но чем дольше сохранялась эта безмятежность, тем заметнее менялось настроение в команде. Атмосфера на корабле становилась мрачнее и нервнее, не оставляя следа от того воодушевления, которое было замечено мной при отплытии.

– Всяко бывает, – говорил боцман, невысокий краснолицый мужчина с сипящей одышкой, которая волшебным образом прекращалась, как только он брался за руководство командой. – Случались сезоны, когда штормов мало, а случались, что один за другим. Но чтобы вообще без них, такого не припомню. Не спеши, ещё успеешь повоевать.

Это он говорил Фёдорову, молодому долговязому и удивительно жилистому матросу с большим кадыком на тощей шее. Я стал невольным свидетелем их беседы, когда проходил мимо по палубе и, остановившись неподалёку, прислушался.

– Алексей Григорьевич, хоть мне и страшно, но хочется побыстрее, – возбуждённо отвечал матрос. – На такое дело идём!

– Об этом пока не думай, – поучал боцман. – А когда начнётся, держись подальше от бортов, потому как в первую очередь тебя постараются стащить в море. К себе то есть. А уж если очутился на краю, цепляйся за что можешь! Да тебя учили поди... Знаешь, служил у нас матрос, вроде тебя. Фамилию уже не помню. Руки крепкие, как сучья. Вот он умел цепляться! Однажды шторм прошёл, а его нигде нет, только его руки на вантах и висят. Такие вот молодцы служили до тебя на «Тревоге».

Моряки рассмеялись. В тот момент мне их смех показался возмутительным и жутким. Ведь они говорили о смерти человека. Но их разговор больше прочего тревожной иглой уколол меня в сердце. Куда и зачем на самом деле идёт корабль? Не медля, я решил поговорить с капитаном, но он был занят, и до вечера задать ему вопросы не удалось. Только после ужина в кают-компании, когда он закурил свою длинную трубку, я спросил:

– Иван Андреевич, о каких штормах всё время говорит команда? Думаю, я имею право знать. Если вы не предупредили меня об этом на берегу, то сделайте одолжение, расскажите сейчас.

Плещеев криво улыбнулся.

– Милостивый государь, Дмитрий Петрович, возможно, я сыграл с вами злую шутку, не сообщив об истинной цели нашего плавания, но поверьте, как и обещал, мы доставим вас в Роттердам. Об остальном можете не беспокоиться.

– А мне кажется, – сказал низким голосом доктор, сидящий тут же, – что молодому человеку полезно было бы знать.

– А зачем ему знать? – развязно переспросил капитан. – Привяжем его к грот-матче и дело с концом. Не пропадёт!

– Да вы что?! – от возмущения я даже поднялся из-за стола.

И тут я вспомнил характеристику, данную капитану Нагибиным, и мне подумалось, а не сумасшедший ли он, раз ведёт себя так дерзко.

– Да не сердитесь, – капитан подмигнул. – Известна мне ваша порода, и характер я сразу понял, как только увидел вас. Взгляд высокомерный, а ко мне – брезгливый. Вам бы в столице сидеть, да за деньгами поволочились! Хотя я вас осторожно предупреждал. Другого, может, и не взял бы, а вас взял. Думаю, почему бы не проучить франта. Знаю я вас всех, накрашенных, в этом Петербурге.

– Да будет вам, Иван Андреич, – вступился Пашков.

– А что, ведь за деньгами поехал, разве не так? – не унимался капитан.

– Нечто вы задаром работаете, – огрызнулся я.

– Не задаром. И денег у меня вдоволь. Но только потому, что другие не знают дело, которым занимается моя команда.

– А какое у вас дело, капитан Плещеев? – с вызовом спросил я.

Капитан откинулся на спинку стула, покрутил ус и сказал.

– Вы знаете, сколько торговых кораблей тонет осенью и весной? А в год? Да откуда вам знать! Отчего они идут ко дну? Бури, шторма, ураганы?

– Погода, да.

Капитан усмехнулся и покачал головой.

– Погода. Нет, не погода.

– Тогда отчего?

Плещеев, сидящий в свете мерцающего фонаря, пускал изо рта дым.

– Морские глубины обитаемы, – вкрадчиво заговорил он, – там живут те, кто может управлять стихией, нагонять ветер и волны, создавать воронки и утягивать корабли. Вы никогда о таких существах не слышали?

– Вы сумасшедший, – вырвалось у меня, и я в надежде посмотрел на доктора и помощника капитана, но их лица были серьёзны.

Меня охватил страх. Я находился в открытом море на корабле с командой умалишённых фанатиков.

– Мы ходим по торговым путям, – продолжал капитан, – чтобы очищать их. А главный признак близости к нашему врагу – это шторм.

И тут, будто эхом, сверху и сбоку, и даже изнутри кают-компании раздался приглушённый крик:

– Што-о-о-орм!

Мы кинулись на палубу, где уже собрался весь экипаж «Тревоги». Рассматривая что-то вдаль, моряки находились в состоянии крайнего и неопишуемого возбуждения. Поначалу я принял их переживания за испуг, но затем, взглядываясь в их лица и прислушиваясь к громким восклицаниям, с изумлением признал в их настроении радость. Даже восторг. Словно они увидели долгожданную землю или нечто, к чему шли очень долгое время.

Ночь стояла ясная, лунная. Море было спокойно, а звёзды на небе – близки и яркие. Но то, что я разглядел в следующую минуту, заставило меня вздрогнуть. По правому борту вдоль горизонта, насколько хватало глаз, раскинулась непроглядная тьма. Точно в том месте заканчивалось море и начиналась чёрная пустота.

– Это шторм, – со спокойствием сообщил мне помощник капитана Пашков, выводя меня из оцепенения. – Нам туда.

Я не поверил его словам, но тут же услышал командный голос капитана:

– Все навверх! По местам! Поворот через фордевинд!

Плещеев двинулся к капитанскому мостику, я бросился за ним.

– Что вы собираетесь предпринять? – в беспокойстве спросил я.

Капитан кинул на меня короткий и будто бы хмельной взгляд и с нарочитой учтивостью ответил:

– Думаю сделать поворот руля на правый борт, а у вас есть иные соображения?

На мгновение, запутавшись в направлениях, в моём сердце зародилась надежда, но тут я понял суть манёвра и воскликнул:

– Вы нас погубите! Это верная смерть! Мы должны обойти шторм! Вы потопите и корабль, и команду!

– Команда к этому готова, – невозмутимо ответил Плещеев. – Напротив, если мы попытаемся сбежать от стихии, мои ребята останутся раздосадованы. А теперь, если не желаете делить хлеб и воду в карцере с крысами, не мешайте управлять кораблём, сударь! Не до вас сейчас, ей-богу!

Я посмотрел на Плещеева и похолодел. В свете яркой луны его глаза сверкали, в них читался лихорадочный азарт. И когда капитан продолжил отдавать самоубийственные команды, приправляя их крепкими выражениями, я, не зная, что делать и где укрыться, машинально бросился в каюту, понимая, что оказался заложником на корабле, полном сумасшедших людей.

Через какое-то время я ощутил, как корабль дал крен, что значило, что мы легли на курс в сторону неизбежной гибели, а затем «Тревогу» начало сильно раскачивать на волнах всё яростнее бьющих в её борта. Корабль наполнился глухим скрипом и треском. А меня охватило чувство беспомощной злобы и страха.

В дверь каюты постучали, и на пороге возник держащийся за притолоку, довольный, но совершенно мокрый Пашков.

– Дмитрий Петрович, что вы тут спрятались? Не желаете на шторм поглядеть? Очень хороший шторм, давно таких не было.

Это предложение показалось мне настолько нелепым, что я не сразу нашёл, что ответить, и только обречённо пробормотал:

– Мы все умрём...

– Не умрём, – покойно возразил Пашков. – А если и умрём, то не лучше ли прямо взглянуть в лицо смерти, как подобает настоящему мужчине? Каюта вас не спасёт, и надёжнее, как советовал капитан, привязаться к мачте. Вы не думайте, Плещеев, в сущности, человек хороший.

– Хороший человек? – вскричал я. – Он – маньяк!

Пашков подошёл и сел рядом.

– Пойдёмте, – простодушно повторил он, по-дружески хлопая меня по плечу. – Были на «Тревоге», а шторма не видели. Куда это годится? По моим мыслям, до утра всё равно ничего не произойдёт.

Пашков оказался прав. Всю ночь «Тревога» боролась с одним лишь штормом. Сырой ветер, дождь, удары молнии, словно артиллерия перед решающим штурмом, атаковала корабль. Ещё больший ужас нагоняли высокие волны, раз за разом налетающие на корабль, который, как казалось, сейчас захлебнётся и напрямик пойдёт вместе с нами на дно. «Бедствие, непременно случится бедствие», – думал я, что есть силы держась за какие-то верёвки и шуря глаза от колкого ветра и солёных брызг. При этом сами моряки не только не разделяли моих опасений, а даже напротив, вели себя так, будто находились на твёрдом берегу и в полной безопасности. Мне бросилось в глаза, как Плещеев и Пашков спокойно беседовали о чём-то на капитанском мостике и даже смеялись.

К рассвету стихия немного улеглась, но именно в тот час я, и без того измученный ночными потрясениями, вдруг увидел, как из-за борта выглянуло нечто похожее на морду несомненно живого существа.

Она являла собой нечто до того причудливое и омерзительное, что в ней с трудом угадывалось какое-либо известное мне морское животное. В густой, сбившейся в комки и похожей на тину шерсти путались водоросли, подвижный свиной нос блестел слизью, а два полных ненависти жёлтых глаза, расположенных под крошечными рожками, нервно бегали, упорно высматривая что-то на палубе. Через мгновение чудовищная голова исчезла, словно навеянная ночным кошмаром и усталостью, на которые я и списал это безобразное видение.

Передвигаться по палубе в шторм для такого сухопутного человека, как я, – тяжкое испытание. Корабль будто выскользнул из-под ног и кренился с такой силой, точно пытался сбросить меня за борт или, желая затонуть, норовил отправить всю команду разом на корм рыбам. Преодолевая яростную качку, я с величайшим трудом добрался до капитанского мостика.

– Послушайте, – обратился я к стоящим там Плещееву и Пашкову, перекрикивая шум ветра, – когда кончится эта буря?

– А чем она вам не нравится? – усмехнулся капитан. – Погодите, самое интересное ещё впереди.

– Возможно, для вас, – ответил я, – но я устал, и, по всей видимости, у меня началась горячка. Мне мерещатся призраки.

– Какие призраки? – переспросил Пашков.

– Что-то вроде фантомов. Сейчас какая-то уродливая тварь показала мне из воды свою мерзкую морду.

– Вахта, эх, – вдруг выдохнул капитан и устремил взгляд куда-то вверх.

Затем он резко перегнулся через борт и посмотрел вниз. Мы последовали его примеру.

– Раздайте оружие, – медленно проговорил капитан.

В море вокруг корабля, на который, поднимая шипящую пену, одна за другой накатывались высокие волны, мы увидели множество голов. Они, как поплавки, то выныривали на поверхность, то снова погружались вглубь. Причём каждая новая волна выносила их к кораблю всё ближе и в большем количестве.

– Что это? – крикнул я, поражённый.

– Это морские черти, – не отрывая взгляда, спокойно ответил капитан и прибавил: – Ступайте, возьмите оружие, оно вам пригодится.

И в подтверждение его слов очередной вал, отхлынув от корабля, оставил на его борту несколько впившихся когтями в доски хвостатых существ, которые стали ловко и быстро подниматься к палубе.

– Я не умею драться, – простонал я.

– Тогда сейчас самое время научиться это делать, иначе, даю вам слово, я скорее взорву свой корабль, нежели дам захватить его этим тварям.

Сказав это, Плещеев двинулся на палубу, обнажая свою странную короткую и широкую шпагу.

Я понял, что экипаж «Тревоги» застигли врасплох. То ли вахта проворонила появление этой нечисти, то ли самой вахты к тому времени уже не было. Но когда команда дала первый ружейный залп, на палубе уже обосновалась дюжина этих морских тварей. Они, вероятно, не обладали человеческим разумом, ибо вели себя как взбесившиеся звери. В пороховом дыму, ошалевшие от грохота, они безумно кидались на обороняющихся и тут же наткнулись на выставленные вперёд штыки, кортики или шпаги. Без сомнений, перевес был бы на нашей стороне, если бы не постоянное пополнение этого бесовского воинства. Каждый раз, когда «Тревога» сильно кренилась, на палубу водой выплёскивалось ещё с десятков зелёных бесов, которые выходили заметно крупнее и злее предыдущих.

Я видел, как эти черти уже карабкались по мачтам вверх и оттуда с отвратительным визгом, усиленно разгоняемым ветром, бросались вниз на головы моряков. Таким манером они утащили за борт долговязого матроса Фёдорова, которому боцман настоятельно рекомендовал крепко держаться за ванты. Ещё одному моряку гнусная тварь свалилась прямо на плечи и впиалась клыками в горло, и моряк сам кинулся в море, утаскивая за собой чёрта.

Плещеев дрался как одержимый. Он врубался в самую свалку, нанося шпагой направо и налево короткие тяжёлые удары, заставляя чертей скулить и пятиться. Даже окружённый, он с отчаянной удачей отбивал наскоки пятерых, а то и дюжины остервенелых тварей. Обладая хоть толикой разума и накинься они разом, то неминуемо смяли бы капитана единым натиском. Но, ведомые порочной силой, черти бросались в бой нестройно и поодиночке, и каждый следующий вскоре встречал свой конец.

В схватке я участия не принимал. Держа в одной руке бесполезную шпагу, а другой ухватившись за такелаж, я, будто замороженный, наблюдал, как из трюма подавались заряженные ружья и пистолеты, а назад отправлялись отстреленные. Я видел, как на носу корабля трёх матросов во главе с боцманом черти неумолимо теснили к краю, и казалось, что ещё немного и их сбросят в море. Слышал грохот выстрелов, бодрые победные возгласы и предсмертные крики, полные боли. На правой стороне палубы уже стреляли за борт, не давая тварям подняться. Слева размашисто работал своей шпагой Плещеев, под чьими ногами багровой грудой лежали мохнатые туши.

– Чёрт тебя дери! – проревел он мне. – Не дерёшься, так хоть раненых выноси.

Я сначала не сообразил, что от меня требует капитан, но затем заметил в двух сажнях от себя лежащего человека. По костюму я узнал в нём Пашкова. Я было кинулся к нему, но очередной удар волны свалил меня с ног, и путь к раненому я преодолел уже на четвереньках. До той поры я никогда не видел таких страшных ран, да и вообще большего, чем порез пальца не видел, поэтому, когда я склонился над Пашковым, мне показалось, что он уже мёртв. Но веки его дрогнули, и он приоткрыл один залитый кровью глаз.

Я не единожды пытался поднять его, но напрасно. Мы валились на палубу и катались по ней, как тюки. Издали до меня доносились страшные ругательства Плещеева, относящиеся ко мне. А я упрямо продолжал тащить этого человека, возможно единственного на корабле, кто отнёсся ко мне с участием. Но что-то постоянно мешало и не давало сдвинуть Пашкова с места. В суете я не сразу заметил, что когтистая лапа вцепилась в плечо помощника капитана и тянула его на край палубы. Не разбираясь, я ударил зелёное чудовище по голове шпагой как попало. И плашмя, и лезвием я в исступлении бил его до тех пор, пока адская хватка не ослабла, и я не выдернул Пашкова из страшных лап.

В трюм мы свалились кубарем.

– А вы, молодой человек, куда собрались? – осведомился Лютов, который хозяйничал за занавеской и уже осматривал раны лежащего на столе Пашкова.

– Наверх, – задыхаясь, пробормотал я.

– Вам самому нужна помощь, – он указал на мою руку. – Принесите-ка мне лучше воды из той бочки.

Я взглянул на свою руку, которая по-прежнему сжимала шпагу, и увидел, что вся кисть в крови. Но я ничего не чувствовал. На палубу я больше не поднялся. О нашей победе я узнал только по восторженным крикам наверху, стрельбе и стихнувшему вдруг шторму.

До самого вечера я пробыл с доктором в лазарете, оказывая помощь раненым матросам. Пашков был очень плох, и в сравнении с ним моя рана казалась мне совсем пустяковой. Когда обессиленный я вернулся в кают-компанию, там меня встретил Плещеев. Он был чрезвычайно доволен ипил вино.

– Как вы можете пить и веселиться в такой день? – безразлично спросил я, смотря на налитый мне бокал. – Столько людей погибло, столько покалечено. Многие сейчас страдают.

– Вам этого не понять, – беззаботно ответил капитан. – Умри мы, они бы ровно так же пили и веселились. А раненым сегодня вообще двойная порция выпивки.

– Вам совершенно не жаль свою команду.

Тут Плещеев развязал свой шейный платок, и я увидел длинный безобразный шрам, идущий от горла к груди.

– Рано или поздно умрёте вы, но что много хуже, – он назидательно покачал указательным пальцем с изумрудным перстнем, – умру и я. Однако это пустяки. Ведь до нас на тот свет уже отправилось неисчислимое количество людей, почище нас с вами: непобедимые воины, великие мудрецы, святые. Так чего же нам, мелюзге, милостивый государь Дмитрий Петрович, бояться смерти, если это испытание уже преодолели достойнейшие из рода человеческого? Не лучше ли прожить жизнь так, как если бы не существовало страха за эту самую единственную жизнь, если её конец всё равно неизбежен? Те смогли, и мы сможем.

– Вы ненормальный, – махнув рукой и поднимаясь, пробормотал я.

– А хотите я вам расскажу историю своего камзола? И кто мне его подарил? – Плещеев сильно опьянел.

– Не хочу.

– Хорошо! Оставим сюжет для следующего рассказа, – капитан хитро прищурил глаз и дружелюбно крикнул: – Ну будет вам, Дмитрий Петрович! Не лукавьте и признайтесь, что сегодняшний день пришёлся вам по сердцу и ещё долгие годы будет греть вам душу!

Рана моя оказалась серьёзнее, чем я думал. Остаток путешествия я провёл в лихорадке и бреде. Казавшийся мне ранее жестоким Лютов не отходил от меня ни на шаг, делал мне примочки и бережно обрабатывал рану. Временами, когда мне чудилось, что из тёмных углов на меня смотрят жёлтые, полные ненависти глаза, а когтистые лапы стягивают меня на пол, доктор ласково успокаивал меня. Говорил, что я настоящий воин, морской волк, и что я ещё буду бороздить бескрайние просторы морей, завоюю почёт и славу. Но от таких обещаний мне становилось только хуже.

Целый месяц мне пришлось провести в лечебнице Роттердама, и лишь просвещенности тамошних врачей я обязан спасением своей руки. В Санкт-Петербург я вернулся спустя два месяца – измождённый, исхудавший, выбравший долгий сухопутный путь, поскольку мысль о возвращении морем была для меня невыносима. И уже на родине меня ждало горькое известие: в том злополучном походе «Тревога» потеряла семерых членов экипажа, и среди них – Пашкова. Необъяснимая горечь утраты, усугублённая перенесёнными испытаниями, ещё долгое время не позволяла мне прийти в себя.

Но вот что странно, одним зимним вечером, когда я уже совсем поправился, сидя за столом, покрытым белоснежной скатертью, на которой стояли мерцающие под ниспадающим светом хрустальных люстр бокалы и блюда, в компании друзей, я вспомнил о «Тревоге». И мне стало интересно, где она теперь. В море ли она или затонула, отправившись в очередной поход, чтобы очистить торговые пути. И какая-то тяжёлая тоска придавила моё сердце. Я залпом проглотил целый бокал вина, и она вроде как отступила. Вот только откуда же она – эта тоска – взялась?

06.06.23

Маска Пернети

– Богатые смотрят на деньги иначе, чем мы, простые люди, – сказал седой старик в старомодном костюме и положил бескровную руку на квадратный ящик возле своего стула. – То, что для вас – разорение, для нас – зажиточная жизнь не одного поколения.

– Зачем вы так упорно искали встречи со мной? – раздражённо спросил широкоплечий Гудинов. Будучи деловым человеком, он не любил вступлений и питал отвращение к пространственным рассуждениям.

Эти двое сидели в закутке, отгороженном ширмами, в гнусном и мрачном баре на окраине города. В таком баре, где подают жидкое, отдающее кислинкой пиво, сырую картошку фри и вместе с тем просят приличные чаевые.

– За последний год вы потеряли почти всё своё состояние, – не отрывая от собеседника пристального взгляда, продолжил седой. – Я пришёл забрать, что осталось.

Гудинов криво усмехнулся и встал. Но старик резко и крепко ухватил его за запястье.

– Вы слышали когда-нибудь о маске Пернети? – заторопился он и с грохотом бросил на стол старый ящик, обтянутый кожей. – Легенда гласит, что её создал мастер и чародей Пернети по заказу жестокого и лживого короля Герхарда II. Монарх был столь кровожаден и труслив, что не мог совладать с собственными страстями, но при этом панически боялся народного гнева. И потому попросил Пернети сотворить маску, надев которую, он мог бы отдавать самые безумные приказы, а народ, видя лишь фальшивый лик, всё равно продолжал бы любить и восхвалять его, воспринимая муки как благо. Пернети выполнил заказ. Гипсовая маска здесь, в этом ящике.

Гудинов долго и с любопытством рассматривал торговца, а затем поинтересовался:

– А мне какое дело?

– Я надеялся, что вы проявите больше прозорливости, – отщёлкнув медные застёжки, проговорил старик. – Надев маску, вы обретёте власть. Ваши слова станут мёдом на любых переговорах. Даже требуя от деловых партнёров отдать последнее, вы встретите лишь восторг и согласие, ибо вашу жадность они воспримут как милость.

Крышка ящика откинулась, и Гудинов увидел маску. Ему стало не по себе. На него смотрело чёрное лукавое лицо, но с кроткой улыбкой и пустыми равнодушными глазницами. Невзирая на всю прозаичность, в маске чувствовалось что-то дьявольское и привлекательное.

– Вы сказали, что она из гипса, – напомнил Гудинов. – Но она чёрная.

– Она была белой. Но Герхард II, а затем Эрик, Эдуард III и многие потомки nepозво­лительно много использовали маску в своих целях. Она впитала в себя весь яд, что распространяли порочные уста монархов, обманывая народы и держа их в покорности.

– Почему вы решили продать её мне?

– Вы банкрот и находитесь в отчаянье, – на лице торговца заиграла самодовольная улыбка, и он отодвинулся, засунув руки в карманы. – Другие сочли бы меня сумасшедшим или шарлатаном, но вы... Сейчас вы в таком положении, что уцепитесь за всякую соломинку.

– Отчего вы сами не желаете разбогатеть при помощи маски? – подозрительно спросил Гудинов.

– А чем, по-вашему, я занимаюсь прямо сейчас? – удивился торговец. – Уж не думаете вы, что получите маску за бесценок? – Их взгляды пересеклись, и наступившая тишина стала красноречивее любых объяснений. – Но не прибегайте к услугам маски слишком часто, – неприятно подмигивая, напоследок вымолвил торговец. – Такие вещи нельзя использовать безнаказанно.

Поздним вечером Гудинов сидел в кресле в кабинете своего заложённого загородного дома. Перед ним на столе стоял тот самый, отделанный кожей, ящик. Он открыл его.

Маска Пернети лежала на бархатной подкладке, чёрная и безмолвная. Гудинов осторожно взял её в руки. К его удивлению, она оказалась поразительно тяжёлой и холодной, как могильный камень. На гипс это не походило ни весом, ни фактурой. Материал был гладким, но при этом бугристым и изъеденным сотнями прикосновений безумных королей. С внутренней стороны виднелись две потёртые шёлковые ленты-завязки, некогда, наверное, белые, а теперь грязно-жёлтые, почти коричневые.

«Как же я предстану в таком виде?» – с горечью подумал Гудинов, сжимая в руках покупку.

Мысль о том, чтобы явиться к людям в этом жутком обличье, казалась верхом абсурда и окончательной потерей лица. Но обстоятельства не оставляли выбора. Приходилось идти на крайние унижительные меры, жертвуя последним, что у него оставалось, – репутацией.

* * *

– Гудинов, от свалившихся напастей твой чердак совсем потёк? – возмущённо, но с некоторой опаской в голосе, выкрикнул Александр Борисович.

Александр Борисович поливал цветы в саду своего дома. Вид его изобиловал неприятными подробностями: расстёгнутая рубашка обнажала волосатый живот, удерживаемый от полного выпадения туго затянутым на красных шортах шнурком. Морщинистая лысина блестела на жарком солнце, а трясущийся отвисший второй подбородок дополнял отталкивающий образ. Как по внешности, так и характеру он слыл человеком скверным.

– Авария... – неуверенно пробормотал из-под маски Гудинов.

– Авария? – переспросил хозяин, недоверчиво рассматривая гостя. – Беда не приходит одна. Но пить по крайней мере ты ещё в состоянии?

Александр Борисович провёл Гудинова в кабинет своего дома и, разлив по бокалам ром, с протяжным кряхтением моржа повалился на диван.

– Денег пришёл просить? – любопытствовал он, исподлобья стреляя свинными глазками.

– Банки мне кредит не дадут, – приподняв маску и смочив горло, посетовал Гудинов.

– А почему я должен тебе дать? – бесцеремонно расхохотался Александр Борисович. – Послушай, Гудинов, ты на самом дне. И выберешься ли ты оттуда – неизвестно. Зачем мне такие риски?

– Мне нужен лишь начальный капитал. Я всё исправлю.

– С такой-то рожей? – вновь прыснул хозяин. Но увидев, что гость покорен и не собирается отвечать на издёвки, Александр Борисович сразу заскучал и твёрдо заявил:

– 50%.

Глаза за маской расширились.

– Это же... Это неподъёмный процент...

– А что ты хотел? – испытующе поглядывая поверх бокала, хмыкнул Александр Борисович. – Риск. Банки под сколько кредит дают? 20%? Ступай туда. А у меня здесь не банк, а честное предприятие.

– Дайте хотя бы под 40%? – взмолился Гудинов.

От напряжения в сгустившемся воздухе Гудинову сделалось душно и страшно. Маска как будто ещё прибавила в весе, и ему показалось, что если молчание продлится ещё мгновение, он рухнет на колени и будет умолять о кредите даже под сто процентов, лишь бы этот мерзавец дал хоть что-то. Но мерзавец крокодильим глотком осушил бокал и, потрясённо уставившись на Гудинова, спросил:

– Ты что, Гудинов? После аварии совсем мозги растерял? Ну, хочешь под 40, давай под 40.

– А под 30? – осмелев, брякнул Гудинов.

Александр Борисович встал и налил себе ещё рома.

– Добро! Мне же лучше! – пожал плечами он. – Когда я тебя увидел, я подумал...

– Вы. Мне. Платите, – пересохшим ртом, вымолвил Гудинов.

– Знаешь, что я тебе скажу? – нахмурился Александр Борисович, но вдруг быстро повеселел и покачал пальцем. – У меня сегодня чертовски удачный день! Не в моих правилах оставаться должником, поэтому кое-что я отдам тебе прямо сейчас.

И он тотчас направился к тяжёлому сейфу.

Дрожа всем телом, Гудинов, как только отъехал подальше от элитного посёлка, остановил автомобиль и сорвал маску. Он кричал, смотря шальными глазами то на тёмный лик в руках, то на картонную коробку из-под обуви на коленях. В ней лежали пачки банкнот. Он кричал и не верил в происходящее. А между тем отчаянье и непобедимая усталость, которые в последние месяцы сковывали его душу и волю, отступали.

* * *

Слух о том, что сам Александр Борисович – один из особенно беспринципных и жестоких чёрных кредиторов в городе – не только одолжил Гудинову крупную сумму, но и сделал это на условиях, граничащих с благотворительностью, пополз по деловым кругам со скоростью лесного пожара. Когда Александра Борисовича всё же осмеливались спросить, как же так вышло и почему он оказал такую исключительную благосклонность разорившемуся предпринимателю, тот только чесал затылок и возражал, что никто ничего не понимает в финансах, и сделка эта для него необыкновенно выгодная.

– Мы не знаем всех условий, – шептались недоверчивые. – В будущем он с него три шкуры спустит и выжмет досуха.

Однако они ошиблись. Ничего этого не случилось. Напротив, положение Гудинова укреплялось с каждым месяцем. За неполный год он не только вернул всё утраченное, но и значительно приумножил состояние. Его возрождение было стремительным. И если первые переговоры велись в обшарпанных кабинетах с людьми в дешёвых пиджаках, несвежих рубашках и с поддельными часами престижных марок на запястьях, то через короткий срок его визави уже щеголяли в дорогих костюмах, белоснежных сорочках и подлинных первоклассных часах. Вместе с тем рос статус офисов и переговорных помещений.

Гудинов обзавёлся консультантами, советниками, управляющими. Без усилий открывал двери в высокие кабинеты и сам обосновался на 53-м этаже стекляннно-металлического небоскрёба в респектабельном деловом центре. В довершение ко всему к Гудинову вернулись жена и сын. Впрочем, жена уже успела подурнеть от тягот чрезвычайно скромной обывательской жизни. Во всяком случае, под сенью вновь наступившего финансового благополучия семейное примирение состоялось.

Никто теперь не удивлялся маске на лице Гудинова. Она превосходно играла свою роль, даруя владельцу таинственную власть и внушая уверенность, что предела для его возвышения не существует. До поры до времени, до поры до времени...

* * *

Ослабляя узел галстука, Гудинов вошёл в свой кабинет с панорамными окнами. Внизу простирался серый, в дымке выхлопов и смога, город. Он упал в кресло за столом, достал ящик, где по-прежнему хранил маску, распустил завязки и скинул её. Резкая и неожиданная боль обожгла нос. Гудинов вскрикнул и дотронулся до его кончика. На пальцах остался влажный красный след.

– Что за... – вслух вырвалось у него, и он заглянул внутрь маски.

На чёрной матовой поверхности в том самом месте, куда обыкновенно упирался нос, остался крошечный лоскуток его собственной кожи. Гудинов торопливо отложил маску и тотчас побежал к гардеробному зеркалу. На кончике носа зияла алая ранка. Кожа словно примерзла к ледяной поверхности гипса, а потом её вместе с маской грубо отодрали. Обработав кровавое пятнышко, Гудинов поспешил забыть об этом досадном инциденте, но уже вскоре стало ясно, что произошедшее случайностью не являлось.

– Вы хотите купить 51 процент акций нашей компании? – блаженно улыбаясь, будто ему пророчат место в райском саду, переспросил аккуратный человек в ярко-синем костюме.

Этот цвет всегда раздражал Гудинова, и он со злобой подумал:

«Уж тебя-то я, брат, по миру пушу».

Гудинов хоть и забирал себе чужое на самых выгодных условиях, всегда знал меру. Чрезмерная наглость могла повлечь излишнюю огласку и ненужные вопросы, которых он тщательно избегал. Но в тот день Гудинов буквально возненавидел своего делового партнёра, сидевшего напротив через широкий стол в компании таких же безусловно-аккуратных, «аккредитованных», как он мысленно их называл, дельцов.

– Совершенно верно, – ответил он и хотел ещё что-то добавить, но осёкся и схватился за маску.

– Вы в порядке? – заметив судорожное движение Гудинова, взволновались с другой стороны стола.

Во время переговоров маска никогда не стесняла мимики Гудинова. Под ней он свободно открывал рот, приподнимал брови, гримасничал и не скрывал эмоций. Но в этот раз что-то пошло не так. Кожа словно приросла к внутренней поверхности гипса, и каждая попытка изменить выражение лица сперва встречала лёгкое, а затем значительное сопротивление. Когда же Гудинов напряг мышцы, стараясь оторваться от маски, его пронзила острая рвущая боль. Уже через минуту он с ужасом понял, что не может произнести ни слова без этой пытки.

Пробормотав что-то невнятное вроде: «Я... на минуту!» – он вскочил и выбежал в ближайшую уборную. Встав перед зеркалом, он сквозь бесстрастные глазницы уставился на своё часто дышащее отражение. Неверными пальцами он рванул шёлковые завязки на затылке, но маска, вместо того чтобы легко соскользнуть под собственной тяжестью, точно впилась в кожу и осталась недвижима. От паники у Гудинова проступил пот и что-то бухнуло в груди. Он схватился за толстые края маски и попробовал сорвать её, но старый гипс словно сросся с лицом, прильнув с невероятной силой, будто под ним образовался вакуум. Маска не отпустила.

Седоусый техник здания Трофим, проходя по коридору мимо уборной и поправляя свой новенький комбинезон, нахмурился и остановился. До него донеслись стоны и глухие удары из-за двери. Трофим уже взялся за ручку, чтобы войти и проверить, что случилось, как в этот миг дверь с шумом распахнулась, едва не сбив его с ног. В проёме возник человек, одной рукой прижимавший к лицу окровавленный платок, а другой сжимая уродливую, наподобие карнавальной, маску. Его глаза исступлённо блуждали, озираясь вокруг, а затем незнакомец бросился прочь по коридору, оставив ошеломлённого техника в одиночестве и недоумении.

* * *

– Поразительно, как всё поменялось. Теперь уже вы упрямо ищите встречи со мной, – иронически протянул седой торговец, сидя всё в том же закутке скверного бара и смакуя паршивое пиво.

Через щели перебинтованного лица глаза Гудинова лихорадочно сверкали.

– Что происходит? – прохрипел он надломленным голосом. – Она прирастает. Кожа... Отрывается с мясом!

Торговец сладко причмокнул и, сделав глоток, поставил кружку на стол с глухим стуком.

– Я вас предупреждал, – сощурившись от удовольствия, крикнул он. – Такие вещи, вроде маски Пернети, нельзя использовать безнаказанно. Но, судя по вашему виду, вы совету не вняли.

– Я хочу вернуть маску, – решительно произнёс Гудинов.

– Понимаю, но это невозможно. Впрочем, у вас есть все основания обратиться в службу защиты прав потребителей, – торговец искривил рот и оскалился, но тут же лицо его стало жёстким. – Господин Гудинов, я давно придерживаюсь принципа, что несправедливо получать блага, ничего не отдавая взамен. За всё надо платить. Разве не так у вас, дельцов, принято?

Гудинов растерялся и потупил взгляд.

– Но ведь должен же быть какой-то выход, – едва вымолвил он и поднял глаза. – Ведь с королями, про которых вы мне рассказывали, с прошлыми владельцами маски, ведь с ними ничего не случилось.

– Верно, не случилось, – согласился торговец и, подавшись вперёд, прошептал: – Но есть разница: что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

* * *

Гудинову ничего не оставалось, как вступить в самостоятельную, полную трагизма борьбу с маской. Он поклялся больше не надевать её, тем более, что сколоченное при её содействии состояние оставалось огромным. Но маска, подпитываемая неодолимой сверхъестественной силой, не собиралась отступать. Она неустанно и повсеместно преследовала своего владельца. Гудинов находил её в самых неожиданных местах, даже когда запирали её в ящике в кладовке. Позже он «забывал» маску на вокзале или в торговом центре, напрасно надеясь, что её подберёт новый владелец. Сдавал в ломбард, заточил в банковской ячейке, но каждый раз она возвращалась. Утром она появлялась на прикроватной тумбе, днём – в портфеле, а вечером Гудинов наткнулся на неё в столе. Маска настигала его повсюду.

Но апофеоз кошмара выпал на ранний час, когда однажды проснувшийся Гудинов с ужасом нащупал маску на своём лице. Как осьминог, она плотно обхватила его голову, не давая свободно вздохнуть.

Доктор, освобождавший несчастного, хоть и считался сведущим в своём деле, оставил его лицо изуродованным глубокими ранами. Они плохо заживали и гноились, вынудив Гудинова надолго запереться в четырёх стенах. Каждый его день превращался в испытание, где перевязки, чистки и мази отнюдь не способствовали исцелению, а только терзали больного, превратив его лицо в безобразное лоскутное одеяло.

Все зеркала в доме, как при покойнике, занавесили.

Гудинов всегда чувствовал присутствие маски. Заваленная книгами или замурованная в сейф в кладовке, она и тогда находилась поблизости. Она ждала.

После обезболивающего укола он, вероятно, задремал в кабинете, устроившись в мягком кресле. Его покой был лёгким, а сновидения приятными. Ему пригрезилось, что раны давно зажили, всё стало как прежде, а то мрачное, что терзало душу и заставляло трепетать, исчезло без следа. Проснулся он в превосходном расположении духа, но, ощутив привычное стягивание бинтов на лице, разочарованно вздохнул.

– Всего лишь сон, – огорчённо пробормотал он, машинально коснувшись лба.

И лишь тогда, сквозь туман сладкой иллюзии и воздействия анальгетика, до его сознания дошло, что сжимающая лицо тяжесть – не бинты. Он подошёл к зеркалу и сорвал с него

занавесь. Гудинов отшатнулся от отражения, увидев в зеркале, как маска дразнит его и насмехается, полностью захватив его образ.

– Сегодня я положу этому конец, – прошипел Гудинов и поднял молоток.

Утром Гудинов не вышел к завтраку, и домочадцы направились к его кабинету, дверь в который оказалась заперта. Они вызвали слесаря, и когда он вскрыл замок, вошедшие внутрь увидели на пушистом ковре Гудинова. Тот лежал, раскинув руки, в окружении белоснежных осколков гипсовой маски. Лицо её несчастного владельца почернело, скукожилось и всем видом походило на прелое, лишённое жизни яблоко.

12.08.25

Людоед

Осенью 18... года в наш маленький городок, затерянный в непроходимо топких и глухих лесах вдали от крупных центров Российской империи, въехали два всадника. Говорят, что их измотанные долгим путешествием вороные кони ступили на главную площадь ровно в полночь и ровно в ту минуту, когда низкие чёрные тучи разразились тяжёлым громом. Ломаная молния полоснула по небу, и начался такой ливень, что крыши домов загудели под его натиском, а улицы наполнились вязкой, хлюпающей под копытами жижей.

Не могу сказать, было ли так на самом деле, но достоверно известно, что позже всадники в кожаных плащах заграничного покроя с высоко поднятыми воротниками вошли в трактир. В это время там под дрожавшим огнём масляных ламп шёл ожесточённый спор.

– Так нас всех пожрут! – прокричал грубым голосом хмельной от водки кузнец Ковальчук, и уже шёпотом, обращаясь к заезжему купцу, сидящему рядом, но так, чтобы все слышали, добавил: – А я бы собрал молодцев, раздал им всем оружие и отправил в лес. И точка!

В ответ полнотелый купец испуганно хлопал глазами, очевидно досадуя, что нечаянно попал в неприятную и опасную историю.

– Ты не хуже моего знаешь, Егор, что, если поступим по-твоему, никто назад из леса не вернётся! – поднялся из-за стола городской голова Пётр Васильевич Ладыгин, высокий толстощёкий мужчина с окладистой бородой пепельного цвета.

– Почему это? – поинтересовался другой гость трактира – одноглазый Свиридов, прищурив свой единственный глаз.

Он считался у нас плотником. Но никто никогда не видел его трезвым, а поэтому обращались к нему неохотно, только по крайней необходимости. Вся плотницкую работу, за исключением гробов, люди старались делать сами.

– Потому что, – подал голос городской Чернов, рослый мужчина с густыми бровями, мрачным лицом и длинными подкрученными усами.

Он стоял, опираясь плечом на столб в центре трактира, и до поры молча следил за спором.

– Если это чудовище обнаглело до такой степени, – продолжал городской, – что уже убивает на улицах, то... Наши леса густы и полны болот. На дворе осень. Слышите, как дождь барабанит в окна? Любой, кто в такую пору сунется в лес, там и сгинет. Будь он один или с десяток человек – всех сожрут.

– Так пусть сожрут их, а не нас! – раздались крики. – А мы подождём солдат! Куда смотрит Петербург? До столицы далеко! Им нет до нас дела!

В трактире грянул скандал, и казалось, ещё немного, и дело дойдёт до драки. В это мгновение дверь трактира с грохотом распахнулась, и взгляды разгорячённых спорщиков устремились ко входу. В проёме стояли незнакомцы в кожаных плащах, прикрывая глаза вымокшими широкополыми шляпами. Вместе с ними в трактир проник холодный осенний воздух, который в мгновение остудил пыл крикунов, и под прокопчённым потолком повисла тишина.

– Ваша трусливая ругань слышна за сотню вёрст отсюда, – прохрипел тот неизвестный, что был пониже своего спутника, и, пройдя внутрь, звеня шпорами, высокомерно осмотрелся.

– Вы кто? – спросил Ладыгин.

– У нас превосходный слух, – мягко закрывая за собой дверь, сообщил второй странник голосом ровным и молодым. – И кроме склок, до нас долетели слухи, что в вашем городе бушуют беды.

– А мы вытаскиваем добрых людей из бед, – нагло добавил хриплый. – Моя фамилия Мерзин. А его – Полев.

Тут незнакомцы разоблачились – сняли шляпы и расстегнули высокие воротники. Мерзин оказался седобородым мужчиной лет пятидесяти с обветренным лицом и голубыми про-

зрачными глазами. Полев, напротив, черноглазым хмурым юношей приятной наружности, если бы не изъян на его левой щеке – большое пигментное пятно в форме перевернутого треугольника.

– Трактирщик, дай водки, что ли! И закусь! – крикнул Мерзин и под недоумевающие взгляды кинул на пустой стол шляпу, а после сел сам.

– У нас есть сведения, что в округе, – безошибочно определив городского голову, вкравчиво заговорил Полев, подходя к Ладыгину, – объявился людоед. Что он уже расправился с лесником, мещанином и охотниками. А теперь по ночам чудовище выбирается в город.

– И что вы... – развёл руками Ладыгин.

– Мы пришли убить его! – грозно рявкнул Мерзин и опрокинул поднесённую ему рюмку водки.

– Вас постигнет смерть, если отправитесь в лес! – раздался каркающий голос из тёмного угла трактира, куда не дотягивался тусклый свет мерцающих ламп.

– Людоеды коварны, жестоки и чрезвычайно сильны. Их не убить простолюдину, в особенности, – тут послышался неприятный смешок, – если изверг уже испил человеческой крови. Лицо Полева искривилось в кривой улыбке, и он крикнул в сторону пустослова:

– Сможем ли мы убить его? Спроси об этом у жителей Заречья или Дальнегорска! Они знают цену нашим словам, которые не расходятся с делом. Ни одному врагу рода людского, будь то василиск или оборотень, не удалось уйти от нас и наших пуль.

– Но не людоеду, – настаивали из угла.

– Кто это там говорит? – сощурился глаза и вглядываясь в темноту, вполоборота повернулся Мерзин. – Выйди, покажись.

– Это... Не обращайтесь внимания, – ступевавшись, хотел предупредить городской голова Ладыгин, но тут послышался стук клюки по разошедшимся половым доскам, и на свет вышел старик.

Горбатый, в лохмотьях, с длинной путаной бородой. Тонкие кривые ноги еле держали чахлае тело, поэтому одной рукой старик опирался на сучковатую палку, а вторую, будто отмершую, заложил за пояс.

– Людоеды – не звери и не люди, – сказал он. – Эти существа и есть зло во плоти.

Мерзин и Полев многозначительно переглянулись. А Ладыгин откашлялся и, перебивая, как ему казалось, неуместный мистицизм, парадно произнёс:

– Это наш ветеран Отечественной войны...

– Да, ветеран! – перебил Ладыгина старик и заговорил тихим, но ясным и твёрдым голосом так, что трактир погрузился в безмолвие: – Я помню, как горстка французских фузилёров при отступлении отбилась от основных сил и в лютый мороз потерялась в лесу. Обезумевшие от голода и страха, они стали добычей друг для друга. Сперва съели раненых. Потом – слабых. А под конец... под конец остался один. Самый сильный. Самый жадный. Тот, чья душа оказалась вместилищем для тьмы.

Старик сделал шаг вперёд, и тень от его скрюченной фигуры легла на стены безобразным пятном.

– И этот последний, он не умер. Он долго ещё гулял по нашим лесам. И ни пуля, ни клинок не брали его плоть. Ибо он уже не был человеком. Придя на нашу землю со злом, он впустил – вместе с пищей – в свою утробу ещё большее зло. Таково естество людоедов.

– Но мы не во Франции живём и, слава Богу, не французы! – пугливо и быстро перебил рассказчика городской Чернов.

Народ отозвался смехом. В ответ старик сердито погрозил кому-то палкой, ударил ею об пол и заковылял к выходу.

– Что вы хотите за свой труд? – деловито осведомился у приезжих Ладыгин.

– Мы хорошо знаем своё ремесло, – ответил Полев, доставая из внутреннего кармана перевязанную лентой пачку бумаг. – Здесь наши рекомендации от уважаемых людей, которым мы подсобили. Надеюсь, в этой пачке появится и ваше письмо.

Ладыгин, сев за стол, перебором просматривал бумаги. С каждым прочитанным именем его брови приподнимались всё выше и выше.

– А это? – переспросил он у Полева, тыча пальцем в чернильное имя.

– Он самый.

– А это? – ещё больше удивился городской голова, добравшись до последнего документа.

– Это – цена! – крикнул Мерзин, осушив рюмку. – Вы же купец, Пётр Васильевич. Неужели не найдёте денег, чтобы защитить этих уважаемых людей?

– Всё-то вы знаете, – отдуваясь, растерялся Ладыгин. – Но если только мы все вместе... И вот если Дмитрий Константинович тоже...

Он указал на заезжего купца, которому под испытующими взглядами публики не оставалось ничего, кроме как робко кивнуть. На том порешили и ударили по рукам.

На другой день, преследуемые любопытными взглядами горожан, Мерзин и Полев начали запасаться провизией, оружием и всем необходимым для опасной экспедиции. Из своих наблюдений за чужаками я почерпнул, что, несмотря на приятные черты, молодой Полев оказался довольно жестоким человеком. Держался он грубо и требовал беспрекословного повиновения. Я стал свидетелем того, как Полев показывал великолепной работы крис одному мальчугану.

– Запомни, с любым врагом следует быть безжалостным, – говорил ребёнку Полев. – Забудь про сердце, душу и разум. Убить! Убить любой ценой! И в себе убить всё человеческое, а если надо, то и самому стать злом ради заветной цели!

Мерзин, напротив, показал себя как опытный и умудрённый жизнью охотник. За спокойный и рассудительный нрав он стал мне более симпатичен.

– Полев горяч, – пояснял он мне за рюмкой в трактире. – Но и людоеды не знают пощады. Поэтому кто, как не он, будет полезен в диких лесах? Кто другой сможет одолеть чудовище? Уж точно не с овцой следует к волкам соваться.

Прошло несколько дней, и охотники, наконец, снарядились в поход окончательно. Горожане провожали их тревожными взглядами и крестными знаменами, словно предчувствуя новые грозные беды, что скоро обрушатся на наш город.

Много времени в волнениях прошло с того дня, как охотники оставили нас. Лес по-прежнему таился под молчанием и мраком. Погода ухудшалась, осень перешла в зиму, и земля надёжно укрылась белоснежным покрывалом. Уже ничто не напоминало о паре смельчаков, ушедших в дремучую чащу на охоту за чудовищем. Однако робкий шёпот надежды, слышимый в разговорах горожан, отмечал, что люди перестали пропадать без вести. Казалось, что напасть отступила и можно жить спокойно, не озираясь по сторонам.

В одну из холодных и ненастных ночей, в разгар снежной метели в дверь моего дома постучали. На пороге стоял Полев, едва державшийся на ногах. Он был в крови, а его глаза возбуждённо заблестели на фоне уличной черноты.

– Доктор, помогите, – прохрипел он и в бессилии упал ко мне на руки.

– А где Мерзин? – взволновался я, волоком затаскивая раненого в комнату.

– Он не вернётся, – задыхаясь, проговорил Полев. – Мы нашли людоеда, и я убил его.

Рука охотника, до того крепко сжимавшая грубый и грязный мешок, разжалась, и, гулко ударившись об пол, наружу выкатилась косматая голова чудовища. Я вскрикнул от ужаса и отвращения, и тут же почувствовал, как тело Полева ослабло. Охотник сник и потерял сознание. Кое-как уложив обессиленного на кровать, я снял с него одежду и принялся обрабатывать раны. Тяжесть и глубина их впечатлили меня. Я подивился невероятной силе, которой, вероятно, обладал охотник, сумевший самостоятельно выйти из леса с такими увечьями.

Кости у Полева остались целы. Промыв раны, я наложил на них тугие повязки. А позже – компресс на голову. И как только больной поутих и перестал метаться в постели, я смог рассмотреть страшный трофей из мешка.

На первый взгляд голова людоеда мало чем отличалась от обычной человеческой. Но при тщательном рассмотрении я заметил некую неправильность, неестественность в чертах лица чудовища. Что-то звериное проступало в лике, будто не природа, а чей-то тёмный разум с намерением изуродовал человеческий облик. Мутные, широко открытые глаза продолжали источать злобу, а искривлённый рот заоченел в оскале, обнажив два кривых клыка. На мгновение меня даже посетили сомнения: а было ли это существо человеком?

Утром чудовищная голова была выставлена для всеобщего обозрения на главной площади. Народ смотрел, дивился и радовался избавлению от смертельной опасности.

Но однажды в ненастный вечер, когда на пути к пациенту ледяной ветер с особой яростью пытался сбить меня с ног, меня остановил знакомый по истории в трактире старик-ветеран. Он точно специально поджидал меня в тёмном закоулке, скрываясь от любопытных глаз и света фонарей.

– Как чувствует себя наш герой? – спросил он, прищуривая глаз и кутаясь от непогоды в старую шинель.

– Ещё болен. Посещения запрещены! – попытался на ходу ответить я.

Но старик с необыкновенной силой ухватил меня за плечо и подтащил к себе.

– Я не хочу его посещать! – просипел он мне в лицо. – Лучше спросите, как он выбрался из леса? Как он убил людоеда?

Я вырвался из крепкой руки и с возмущением посмотрел на старика.

– Милостивый государь, вы заслуженный ветеран, а ведёте себя непозволительно! – крикнул я и, не дожидаясь ответа, поспешил дальше.

– Спросите, как он один смог убить чудовище! Это спасёт нас от беды! – беснующийся ветер донёс до меня каркающий крик.

Не знал старик, что, несмотря на все мои усилия, горячее участие благодарных горожан и личную опеку городского головы, мой пациент не шёл на поправку, и я сам, страстно желая расспросить Полева о подробностях его похода, не мог этого выполнить по причине почти полного сумасшествия последнего. Ночами он бредил, стонал и впадал в беспокойство. С рассветом ему делалось несколько легче, но страдания не отступали, а раны продолжали кровоточить. Так продолжалось довольно долгое время, пока однажды утром я неожиданно для себя не застал Полева сидящим на кровати.

– Доктор, который нынче день? Как долго я пролежал здесь в беспомощности? – бодро спросил он.

Я удивился и сразу не нашёл, как ответить. И тут мою озадаченность прервал доносящийся с улицы ропот толпы и настойчивый стук в дверь.

Много израненных тел наблюдал я за время своей врачебной практики, но таких увечий мне видеть не приходилось. Заезжий купец, тот самый, который робко кивал в трактире на просьбу скинуться деньгами, мёртвый лежал передо мной на смотровом столе. Его так сильно изуродовали, а на лице его застыла до того жуткая гримаса боли и удивления, что в этом окоченевшем трупe с трудом можно было узнать полнотелого Дмитрия Константиновича, как называл его городской голова.

– Что с ним случилось? – спросил я, посмотрев на городского, который вместе с прочими занёс тело ко мне в дом.

– Мы хотим спросить об этом у вас, доктор, – ответил Чернов, как мне показалось, с намерением и злобой в голосе.

Он стоял, скрестив на груди руки, сверкая глазами. За ним – молчаливо и мрачно – человек пять городских.

«Уж не считают ли меня замешанным в этой истории?» – оторопев, подумал я, а вслух произнёс:

– Где его нашли?

– Его нашёл сторож, – ответил Чернов, выставляя вперёд седобородого старика в тулупе с мигающими блеклыми глазами. – За трактиром, при обходе.

– Так точно, – подтвердил старик и с готовностью кивнул.

– Видимо, его убили ещё вчера вечером, – поправляя очки, осторожно предположил я. – Что за зверь это сделал? Волк, медведь?

– Вам должно быть известно, кто это сделал, – упорно смотря на меня, сказал городской.

Я ещё раз склонился над телом и вздохнул. На трупе отчётливо виднелись следы зубов и порезы, нанесённые чрезвычайно острым орудием.

– Потому что там остались только отпечатки человеческих ног, – с умыслом сообщил Чернов.

– Людоед убит, – уверенно напомнил я.

– Убит, – подтвердил городской, – но следы уходили не в лес.

– А куда?

– Они вели в центр города, на площадь, – вкрадчиво сообщил Чернов и прибавил: – В сторону вашего дома.

Ледяная игла кольнула меня в грудь, и мороз пробежал по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.